Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики

А. С. Ковалев

Александр Сергеевич Ковалев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет. 660041, Красноярск, проспект Свободный, 79
E-mail: office@sfu-kras.ru, alexkovaleff@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособных крестьян в 1920–1930-е годы. Инвалиды сельской местности были наименее защищенной категорией граждан. Приоритетным правом на социальную помощь от государства пользовались городские нетрудоспособные, а «инвалиды крестьянского труда» обеспечивались по остаточному принципу. Ведущим субъектом социальной политики в деревне были крестьянские комитеты взаимопомощи (ККОВы, кресткомы), существовавшие с 1921 по 1930 год. Именно на них в первую очередь была возложена задача оказания социальной поддержки нетрудоспособным жителям деревни. С одной стороны, крестьяне с инвалидностью были обеспечены теми же видами социальной помощи, что инвалиды в городе: пенсионное обеспечение, разовая материальная и натуральная помощь, протезирование, трудоустройство. Однако в ходе реализации мер социальной направленности крестьяне-инвалиды и пожилые люди сталкивались с проявлениями классовой, социальной и возрастной дискриминации. Помимо реальных практик социальной помощи в 1920–1930-х годах возникало множество различных проектов по улучшению социального функционирования нетрудоспособных лиц сельской местности. Однако все оригинальные идеи заключались в том, чтобы продолжать использовать остаточную трудоспособность инвалидов и стариков, в том числе в колхозах. С началом коллективизации в деревне вместо кресткомов стали действовать кассы взаимопомощи, а социальное обеспечение инвалидов и стариков было возложено на работающее население самих колхозов, в которые они вошли. Отсутствие достаточных финансовых средств для содержания инвалидов и стариков в колхозах привело к тому, что их также стали привлекать к труду, но при этом их физическое состояние не учитывалось. По итогам исследования сделан вывод о низкой эффективности реализуемых мер государственной социальной политики и степени удовлетворения реальных потребностей инвалидов и стариков в деревне.

Ключевые слова: кресткомы, колхозы, крестьяне, нетрудоспособность, пенсионное обеспечение, протезирование, трудоустройство

EDN JXVRCF

8 декабря 1921 года Декрет СНК РСФСР «О социальном обеспечении инвалидов»[1] положил начало новой государственной социальной политике в отношении нетрудоспособного населения в России. Однако в соответствии с принципами пролетарской идеологии действие этого правового акта распространялось только на городских рабочих. «Инвалиды крестьянского труда», как их именовала новая власть, фактически остались за бортом социального обеспечения.

Вопросы истории государственной социальной политики 1920–1930-х годов в отношении нетрудоспособных рабочих получили достаточное освещение в современной отечественной историографии (Амирханова, 2018; Борисова, 2022; Глазунова, 2021; Колесникова, 2015; Нагорнова, Макарова, 2014; Огнев, Шарифулина, 2021; Панин, 2019; Салказанов, Кесаева, 2016; Семенова, 2022), но всего несколько исследователей предпринимают попытки изучать особенности социального обеспечения в отношении инвалидов и пожилых людей из сельской местности (Бондарев, Самсоненко, 2010; Ковалев, 2021; Ковалев, 2022; Самсоненко, 2010; Самсоненко, 2011; Скорик, Самсоненко, 2010). При этом следует признать, что за исключением Т. А. Самсоненко, изучавшей реализацию социальной политики в колхозах на Юге России, никто из исследователей не пытался комплексно подойти к этому вопросу. Цель настоящей статьи — дополнить российскую историографию проблемы государственной социальной политики в отношении инвалидов в сельской местности в РСФСР в 1920–1930-х годах с опорой на опубликованные и неопубликованные источники.

Социальный статус нетрудоспособных крестьян и становление общественной взаимопомощи в советской деревне 1920-х годов

Прежде чем начать анализ самой государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных крестьян, следует рассмотреть вопрос о том, кто вообще из них имел право на помощь. Как пишут исследователи на примере Юга России, уже к 1923 году в сельской местности появились «маломочные», «имущие» и «неимущие» инвалиды. К «маломочным» относились инвалиды, «имевшие одну хату и одну корову»; «имевшие одну хату, одну лошадь и одну корову»; «хату, корову, овцу». От них практически не отличались «имущие» — обладатели «живого и мертвого инвентаря». «Неимущими» были граждане «с одной хатой», «хатой или коровой», «съемной квартирой и иногда коровой». Пособия для всех категорий не имели четких границ и включали в себя «муку, цельное

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1944. Ст. 672. С. 1091-1093.

зерно, до 10 руб. денег, одежду, земельные орудия» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 290).

Для оказания поддержки экономически слабым крестьянам в сельской местности 14 мая 1921 года декретом СНК РСФСР были образованы крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (далее — ККОВы, кресткомы). Смысл их создания был предельно прост — перенести на самих крестьян решение проблем их социального обеспечения. Так, запись в дневнике столяра и стекольщика, волостного организатора, комсомольца из Бийского уезда Томской губернии Константина Измайлова сообщает: «20 мая 1923 года был организован волостной комитет взаимопомощи, состоявший из четырех человек. Он занимался в основном обеспечением семей красноармейцев, инвалидов, вдов и сирот»[2].

После ликвидации последствий голода Советское государство стало рассматривать кресткомы как средство «восстановления крестьянских хозяйств». 25 сентября 1924 года декрет ВЦИК и СНК РСФСР утвердил «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи», которые действовали на началах самодеятельности крестьянского населения и должны были учреждаться постановлением общего схода всех граждан села, обладающих избирательным правом.

Кресткомы были самостоятельными организациями, они получили право приобретать в собственность и дальнейшее пользование имущество, получать в пользование и снимать в аренду земельные участки и предприятия, заключать займы и вообще всякого рода сделки, принимать пожертвования, закладывать и отчуждать имущество, несло ответственность по всем долгам.

Основной функцией кресткомов была организация и проведение мер по социальному обеспечению в деревне, оказание всех видов помощи нуждающемуся населению, в том числе инвалидам: денежной, путем выдачи ссуд и пособий; натуральной, путем снабжения инвентарем, предоставления его во временное пользование, выдачи семян и удобрений, ходатайством льготного отпуска строевого леса и других материалов; трудовой помощи, оказываемой «рабочими руками, субботниками и воскресниками при засеве полей, снятии урожая, при постройках и т.п.»; правовой (юридической), обеспечивавшей предоставление установленных законом льгот и «защиту от эксплуатации кулаками»[3].

В советской деревне 1920-х годов, с одной стороны, по-прежнему преобладали элементы общинной помощи, известной чуть ли не ты-

2. Измайлов Константин Федорович. Дневник / URL: https://corpus.prozhito.org/note/319639 (дата обращения: 26.09.2024)
3. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Положение о крестьянских обществах взаимопомощи. Утверждено 25 сентября 1924 года // Известия ЦИК и ВЦИК. 1924. № 222. 28 сентября.

сячу лет, с другой — уже пробивали себе дорогу ее новые виды. В целом советское общество вставало на путь модернизации, перехода от традиционных практик помощи к современным, характерным для индустриального общества.

Средства крестьянского общества взаимопомощи составляли денежные и натуральные членские взносы; средства, отпускаемые вышестоящими органами социального обеспечения; передаваемое собесам бесхозяйственное, выморочное, конфискованное имущество; доходы, получаемые от принадлежащих обществу имущества и предприятий и общественных запашек; добровольные и случайные поступления.

Крестьянская взаимопомощь была основой организации социального обеспечения крестьян в течение всего периода НЭПа. Переложив всю ответственность за социальное обеспечение на кресткомы, государство, по сути, признало свою неспособность обеспечивать крестьян за счет государственного бюджета. Впрочем, это было всего лишь очередное проявление классового подхода, при котором крестьяне продолжали оставаться для советской власти, пользуясь выражением Т. Шанина, «неудобным классом».

В изучаемый период появлялось немало «инновационных» предложений о мерах социальной помощи инвалидам в сельской местности. Например, на страницах журнала «Вопросы социального обеспечения» некто по фамилии Веге в статье о деятельности кресткомов высказал оригинальную идею. Исходя из того, что «крестьяне всегда охотно помогали “несчастненькому”... [и] с большей сердечностью оказывают они помощь своему односельчанину, впавшему в беду», он предлагал в каждой деревне найти «один-два дома, которые можно будет приспособить в качестве приюта для инвалидов... произвести ремонт, снабдить дровами и простейшими принадлежностями для хозяйства» (Веге, 1922: 3). По его задумке, каждый крестьянин «охотно даст несколько фунтов хлеба и мяса или несколько крынок молока» для содержания обеспечиваемых. При этом он полагал, что это не слишком обременит крестьянский двор, поскольку сельским жителям «все равно приходится больше тратить... на содержание нетрудоспособного сочлена» (Там же). Для ухода за инвалидами в крестьянском общественном инвалидном доме Веге предлагал от каждого крестьянского хозяйства в порядке очереди или от деревни в целом выделить одного-двух человек, которые присматривали бы за инвалидами.

Предложенный подход, казалось, был своеобразной «реинкарнацией» традиционных способов содействия нетрудоспособным крестьянам, известных еще со времен князя Владимира. Однако основная идея Веге состояла в том, чтобы инвалиды трудились в общественных инвалидных домах и в дальнейшем сами несли расходы по их содержанию. По словам автора проекта, это могли быть мелкие работы, которые обычно отнимают много времени у здоровых людей (починка одежды и обуви, плетение рыбацких сетей), то-

гда как «все это — работы для людей даже с очень большой утратой трудоспособности». К тому же возвращение инвалидов к труду должно было дать им «удовлетворение от сознания, что они не напрасно едят общественный хлеб» (Там же).

Долгое время только кресткомы были единственными субъектами помощи инвалидам и старикам в деревне. Только в 1927 году в «Манифесте ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам СССР, к пролетариям всех стран и угнетенным народам мира» ЦИК СССР постановил поручить Президиуму ЦИК и СНК разработать закон об обеспечении нетрудоспособных из маломощных слоев крестьянства[4]. Однако вплоть до конца 1930-х годов система государственного социального обеспечения нетрудоспособных крестьян так и не была создана.

Проблемы социального обеспечения нетрудоспособного крестьянства в период коллективизации

С началом колхозного строительства появляется много новых идей. В литературе описан проект старшего инструктора Армавирского отделения Северо-Кавказского полеводсоюза Худякова (Бондарев, Самсоненко, 2010: 34–37). По его плану с началом коллективизации все население колхозной деревни следовало разделить на трудоспособных, нетрудоспособных и «полутрудоспособных» жителей. «Нетрудоспособными» автор предлагал считать полных инвалидов и стариков (от 55 лет для женщин и 60 для мужчин). Для их обеспечения Худяков предлагал создать в колхозах специальный фонд, отчисления в который «должны быть в зависимости от процента нетрудоспособных по отношению к трудоспособным». Так, если в колхозе состояло 40% нетрудоспособных членов, то, по его расчетам, трудоспособные крестьяне должны были отчислять в фонд помощи 13,5% дохода, а если бы в колхозе было большинство нетрудоспособных, то работающие должны были бы передавать в их пользу 20% доходов.

«Полутрудоспособными» автор называл инвалидов, «которым характер приобретенной инвалидности позволял выполнять легкие работы в колхозе». Этой группе населения следовало выделять некоторую часть средств из зарплаты колхозников. Полутрудоспособные могли принимать участие в общественном производстве, поэтому им следовало выплачивать некоторое социальное пособие помимо заработка, который будет ниже, чем у трудоспособных колхозников. Это, по мнению Худякова, стимулировало бы нетрудоспособных использовать частично свой труд в колхозах.

4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том I. 1917–1928 гг. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 752–753.

В проекте Худякова сам по себе колхоз был привлекательным для крестьян предприятием, в котором все работники могли при наступлении особого случая получить поддержку. Но, как справедливо пишут исследователи, «вряд ли... реализация подобных проектов на практике вызвала бы у сельских жителей положительные чувства и привела к широкому распространению проколхозных настроений» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 34–37).

Впрочем, проект Худякова оказался совсем не привлекательным для советского руководства, полагавшего, что единственно возможным вариантом социальной помощи в колхозах является взаимопомощь, и средства для социальной помощи нетрудоспособных должны найти сами колхозники. Представители власти вообще были настроены против того, чтобы оказывать нуждавшимся колхозникам помощь, особенно если те могли трудиться, — такой подход они уничижительно именовали «собесовщиной».

Экономический совет РСФСР, исходя из представлений о необходимости экономии денежных средств в колхозах, в начале 1930-х годов высказывался о том, что нетрудоспособных колхозников и вовсе нужно обеспечивать за счет доходов их семей. Стороннюю помощь следовало оказывать только в случае потери трудоспособности на работе в колхозе. Но и в этом случае размер помощи должен был определяться «в зависимости от текущего материального положения колхоза». Если же родственники не могли содержать своих инвалидов и стариков, их следовало отправлять в дом престарелых за счет средств кассы взаимопомощи.

В соответствии с Примерным уставом сельскохозяйственной артели, утвержденным постановлением ЦИК СССР и СПК СССР 1 марта 1930 года, обязанность социального обеспечения нетрудоспособных крестьян возлагалась на колхозы[5]. Стоит отдельно заметить, что она касалась только крестьян, вступивших в колхозы, что, очевидно, должно было стать очередным стимулом к вхождению в них. Условия и размеры помощи определялись правлением колхозов с последующим утверждением на общем собрании.

Окончательно новые формы социального обеспечения в деревне были законодательно оформлены Постановлением ЦИК СССР от 1 февраля 1932 года «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» (КОВК)[6]. Кассы взаимопомощи должны были содействовать улучшению бытового обслуживания, трудоустройству, обучению и протезированию инвалидов и пр. Средства новых касс создавались за счет отчисления личных доходов колхозников, «установленных добровольно по решениям их общих собраний», и отчислений

5. Примерный устав сельскохозяйственной артели. 1 марта 1930 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1930. 2 марта.

6. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее — СЗ СССР). 1932. № 9. Ст. 51.

колхозов из общественных фондов. Единоличники-бедняки и середняки в этих селениях могли приниматься в члены касс взаимопомощи по постановлению собраний колхозников[7].

Как отмечалось в историографии, «труд... выступал доминантой функционирования касс общественной взаимопомощи колхозников в 1930-х гг.: он был и мерилом оказания социальной помощи, и наиболее желательным ее результатом» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 72). Поэтому основной задачей колхозных касс взаимопомощи являлось подыскание инвалиду или старику такого вида деятельности, который подходил его физическому состоянию, чтобы «ни один член... больной или инвалид, сохранивший в какой-либо мере свою трудоспособность и могущий по состоянию здоровья выполнять работу, не остался без работы»[8].

18 августа 1933 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали Постановление «О порядке засыпки фондов для нужд колхозов», которое дало право колхозам решением общего собрания с участием не менее 2/3 колхозников создавать фонды для оказания помощи инвалидам[9].

Конституция СССР 1936 года закрепила за пожилыми гражданами право на материальное обеспечение. Однако в ст. 120 говорилось о том, что право на государственное обеспечение имеют лишь рабочие и служащие, престарелым колхозникам в этом праве было отказано. Типичный для советского времени подход «все равны, но некоторые равнее» в отношении крестьянства снова проявил себя в полной мере. В Основном законе не были прописаны ни право крестьян на пенсию по старости, ни возрастные рамки их перехода в категорию «престарелых». Даже когда кассы взаимопомощи, исходя из здравого смысла, механически относили человека по достижении возраста 60–65 лет к категории «престарелых, нуждающихся в социальной помощи», против этого выступали представители Наркомсобеса, полагая, что такой подход «вреден, так как порождает иждивенчество и... отрицательно сказывается на производительности труда в колхозе» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 264–265).

2 октября 1936 года в ЦК ВКП(б) и Президиум ЦИК СССР поступило письмо наркома социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицына о дополнении статьи 120 о праве колхозников на материальное обеспечение по старости и нетрудоспособности. В ней нарком напоминал, что социальное обеспечение колхозников во всех случаях нетрудоспособности осуществляется в форме «общественного обеспечения», т.е. через кассы общественной взаи-

7. СЗ СССР. 1932. № 9. Ст. 51.
8. СЗ СССР. 1932. № 9. Ст. 51.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 917; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том II. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 386–387.

мопомощи в колхозах и кассы взаимного страхования и взаимопомощи в кооперации инвалидов. Он предлагал название этих касс заменить названием «общественные кассы социального обеспечения» и дополнить ст. 120 правом сельских нетрудоспособных лиц на бесплатную медицинскую помощь и предоставление крестьянам наряду с рабочими санаторно-курортной помощи[10].

Впрочем, сами крестьяне были недовольны тем, что им предлагают вместо гарантированного государством социального обеспечения его «суррогат» в виде очередных касс взаимопомощи. Так, один крестьянин в процессе обсуждения Конституции заявил: «Чем мы, колхозники[,] хуже рабочих[?] Однако нам в случае инвалидности по новой Конституции государство не будет оказывать никакой помощи. Эта Конституция хороша только для рабочих, а нас, крестьян, опять будут гнуть, да еще вдвое против прошлых лет»[11]. Крестьянин оказался прав: «самая демократичная» сталинская Конституция вновь оставила крестьян за бортом государственного социального обеспечения. Выплата пенсий колхозникам начнется только с 1964 года, а государство по-прежнему оставило заботу о нетрудоспособных крестьянах на плечах самих колхозников.

С началом коллективизации в районах и селениях, «в основном завершивших сплошную коллективизацию», то есть там, где количество коллективизированных хозяйств превышало 68%, кресткомы постепенно прекратили свое существование, а затем и вовсе были ликвидированы. Вместо них с 29 мая 1930 года для оказания помощи колхозникам «в случае инвалидности, старости» на основании директивы СНК РСФСР «О формах социального обеспечения в колхозах» появились кассы взаимопомощи.

Нарком социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицын разработал проект постановления об организации базовых учреждений социальной помощи колхозного крестьянства в виде «касс социального обеспечения коллективизированного крестьянства», который одобрили ВЦИК и Совнарком. Согласно проекту, эти кассы должны были создаваться в «коллективно-добровольном порядке» для оказания помощи членам колхозов в случае инвалидности и старости. Проектом предполагалось формировать фонды колхозных касс социального обеспечения не из членских взносов, а за счет отчислений средств Колхозцентра, центрального и местного бюджетов, доходов колхоза и средств кресткомов (Бондарев, Самсоненко, 2010: 46). Однако до реализации этого проекта дело не дошло.

Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК

10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 839–840.
11. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 136–137.

СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 года, подтверждал право артелей по решению общего собрания колхозников создавать из получаемого урожая и продуктов животноводства фонды помощи нуждающимся, в том числе инвалидам и старикам в размере не свыше 2% валовой продукции[12]. 28 декабря 1937 года разъяснение Наркомзема СССР дополняло это право возможностью передавать часть артельного фонда в кассу колхозной взаимопомощи. При этом выделение колхозом общественной запашки для нужд инвалидов и стариков из артельного фонда не предусматривалось[13].

Постановление Наркомата социального обеспечения (далее — НКСО) РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» (октябрь 1935 года) установило порядок расходования средств касс взаимопомощи: на содержание домов престарелых колхозников — 7%, на индивидуальную помощь инвалидам и престарелым — 8%; на обучение, переобучение и трудоустройство инвалидов — 5%, на протезирование — 3%. Итого на «инвалидные» нужды разрешалось тратить 23% средств. Для сравнения: помощь семьям красноармейцев — 5%, оказание помощи по беременности, родам и «приобретение приданого для новорожденных»; организация и оборудование родильных комнат и приобретение медицинских аптечек — по 3%; помощь при временной нетрудоспособности; выдача возвратных ссуд «на ликвидацию бескоровности среди колхозников, улучшение их жилищных и бытовых условий»; санаторно-курортное лечение — по 10 %; содержание сирот и оказание помощи детям колхозников, впавших во временную нужду, — 25% средств (Бондарев, Самсоненко, 2010: 78).

Как видно из вышеизложенного, наряду с детьми-сиротами инвалиды и пожилые люди были самой значимой категорией, получавшей помощь за счет средств колхозных касс взаимопомощи, причем если «детские» статьи предполагали только содержание детей-сирот (чаще всего в детских домах) и помощь детям бедных колхозников, то спектр помощи взрослому нетрудоспособному населению был гораздо шире.

Однако уже в апреле 1936 года НКСО скорректировал отдельные статьи расходов: на 1 процентный пункт были секвестированы суммы, предназначенные на содержание домов престарелых колхозников, индивидуальную помощь инвалидам и престарелым, обучение инвалидов. Решение мотивировалось банальным отсутствием средств (Бондарев, Самсоненко, 2010: 79). На практике в сибирских колхозах фонд помощи инвалидам и старикам не превышал 2% от валовой продукции, в артелях аналогичный продовольственный

12. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том II. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 456.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. С. 107.

фонд достигал 5% и предназначался в том числе для престарелых членов (Красильников, Саломатова, Ушакова, 2010: 128).

В системе колхозной взаимопомощи было заложено серьезное противоречие. Без поддержки касс должны были остаться те, кто не принимал активного участия в деятельности колхозов, то есть «лодырь» или «симулянт», и это было в принципе справедливо, поскольку вряд ли такой человек заслуживал социальную помощь. Однако на деле «как бы ни относился тот или иной колхозник к общественному производству, но если он платил взносы, он имел полное право получить свои деньги обратно в критические для себя периоды жизни» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 77). В то же время никто не был застрахован от произвола колхозной администрации, которая запросто могла «превратить» даже самого трудолюбивого крестьянина в «тунеядца» со всеми вытекающими последствиями. Случаи злоупотребления властью, когда выбившиеся в председатели крестьяне мстили своим односельчанам за вчерашние обиды, были нередкими.

К концу 1930-х годов в РСФСР насчитывалось 62 340 касс взаимопомощи в колхозах с годовым бюджетом (в 1935 году) около 140 млн руб. Бюджеты касс взаимного страхования и взаимопомощи промысловой кооперации и кооперации инвалидов вместе составляли 49 млн руб.[14], то есть кассы продолжали оставаться ведущим органом реализации государственной социальной политики в деревне.

Становление и развитие пенсионного обеспечения нетрудоспособных крестьян

Говоря об основных направлениях социальной помощи инвалидам и пожилым людям в сельской местности, следует остановиться на проблемах пенсионного обеспечения. В целом в этот период даже в городах пенсию получало незначительное число инвалидов, в сельской же местности дело обстояло еще хуже. В 1921–1924 годах местные органы социального обеспечения могли платить лишь пониженные пенсии, чаще ограничиваясь единовременными пособиями. В декабре 1924 года все деревенские инвалиды III группы (вынужденные, согласно заключению экспертизы, отказаться от своей обычной профессии и не способные к регулярной профессиональной работе, способные зарабатывать на жизнь только случайными, временными и легкими работами) и вовсе были сняты с пенсии и переданы на «обеспечение трудовой и материальной помощью» уже упоминавшимся крестьянам[15].

Только с 1926 года органы социального обеспечения снова стали рассматривать пенсионные дела. Впервые за 5 лет был прове-

14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 839–840.

15. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р–92. Оп. 2. Д. 6.

ден пересмотр отказов лицам, проживавшим в сельской местности, которые отныне становились основной массой получателей пенсии[16]. Размеры выдаваемой пенсии на селе были ниже, чем в городах. Так, в 1924–1925 годах в Сибири были установлены следующие нормы пенсий по инвалидности в сельской местности: для инвалидов I группы — 13 руб. 85 коп., II группы — 9 руб. 30 коп., III группы — 6 руб. 90 коп. (в городе: 15 руб. 40 коп., 10 руб. 85 коп., 7 руб. 70 коп. соответственно)[17].

Но уже в 1927 году в РСФСР началась кампания по «чистке» пенсионеров в сельской местности. НКСО разослал на места циркулярное письмо о снятии с пенсионного обеспечения инвалидов белых армий, только инвалиды Гражданской и империалистической войн были отнесены к «основным группам, стоявшим на гособеспечении» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 286). Также с 1929 года лишались пенсионного обеспечения крестьяне, «систематически применявшие наемный труд в сельском хозяйстве и закабалявшие население путем систематического предоставления в пользование... сельскохозяйственных машин, рабочего скота» или «кредитом на кабальных условиях в денежной и натуральной формах»[18].

Для проведения «чистки» в сельской местности создавались специальные комиссии, куда входили представители сельсовета, кооперации и «групп бедноты». Перед началом массовой проверки пенсионеров райисполкомы советовали сельсоветам для «правильной» организации «создать общественное мнение»: беднейшие крестьяне, кому не досталось помощи от государства, оценивали бедность тех, кто был обеспечен пенсией. Райисполкомы высылали в деревни списки пенсионеров, а сельсоветы вывешивали эти списки на видных местах и созывали «собрания бедноты», на котором каждого пенсионера обсуждали, проверяли его нуждаемость и социальное положение в прошлом. Органы власти не задумывались над тем, насколько этичным и справедливым было решение привлекать к оценке бедности одних людей других бедняков, которые сами претендовали на получение пенсии.

«Чистка» изначально носила политический характер, однако в процессе ее осуществления решающими оказались экономические и финансовые мотивы. Так, в Омском округе в 1930 году в ходе «чистки» был обнаружен лишь один настоящий «нетрудовой элемент» — «зажиточный» 26-летний Ю. К. Рейнер, который имел «одну корову... и доход от дома... работника, когда служил в кооп-инсоюзе и возил воду, жалования получал 120 руб., работнику же платил 15 руб.», имел совокупный доход 240 руб., две лошади и три коровы и «держал батрака незастрахованным». Естественно, Рейнера с пенсии сняли, а в самом протоколе даже была сделана гнев-

16. Государственный архив Томской области. Ф. Р–198. Оп. 1. Д. 91. Л. 72.
17. Народный архив Республики Хакасия. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 15. Л. 61–62.
18. Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–310б.

ная отметка представителей Комиссии по чистке: «Лицам, которые эксплуатируют чужой труд, не место среди инвалидов!!!»[19]

Чисто внешне проверка пенсионеров выглядела довольно пристойно, без сведения личных счетов, и численность тех, кого «вычищали», была относительно небольшой. Ключевым фактором при вынесении решения об исключении человека из рядов пенсионеров было «материальное благополучие» (наличие скотины) или семейное положение (наличие родственников, способных содержать нетрудоспособного). Среди тех, кому было отказано в дальнейшем обеспечении, оказались способные к труду инвалиды III группы из числа зажиточных и середняков. Последние в условиях начавшейся коллективизации не имели шансов сохранить за собой право на социальное обеспечение, а сама «чистка» пенсионеров в деревне была «необходима» для того, чтобы высвободить часть средств и направить «пострадавшим от кулацкого террора»[20]. На деле это была очередная акция, направленная на выкачивание ресурсов из деревни — лишение пенсии фактически означало, что инвалиду нужно было искать себе работу, что становилось крайне актуальным в условиях начавшейся индустриализации и острой потребности в рабочей силе.

Несмотря на то что «чистка» должна была закончиться в начале 1930-х годов, в некоторых регионах она затянулась до 1933–1935 года. Например, в Сибири дополнительно «чистке» подверглись 700 пенсионеров-инвалидов. При этом в ходе «дополнительной проверки» только 1,4% пенсионеров сняли с обеспечения «за связь с чуждыми элементами» и принадлежность к инвалидам белой армии, зато часть инвалидов даже была восстановлена в праве на получение пенсии. Впрочем, последнее решение носило явный идеологический и политический подтекст: советская власть стремилась показать, что социальное обеспечение становится более доступным для широких масс населения[21].

В период коллективизации пенсионное обеспечение в деревне было вовсе не предусмотрено законом, но фактически существовало — местные собесы нередко перечисляли в деревню мизерные суммы, предназначенные для выплаты пенсий узкому кругу лиц. В 1931 году в связи с появлением в деревнях колхозных касс взаимопомощи были введены новые дифференцированные ставки пенсионного обеспечения для «контингентов Гражданской и империалистической войн», персональных пенсионеров (Бондарев, Самсоненко, 2010: 86). По мнению исследователей, их «размеры увязывались уже не только с составом семей инвалидов и наличием у них подсобного хозяйства, но и с оценкой значимости» пенсионера для советской власти (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 286).

19. ИАОО. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
20. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р–2004. Оп. 1. Д. 21; Д. 26. Л. 210б, 34–58. Д. 39. Л. 43.
21. ГАНО. Ф. Р–2004. Оп. 1. Д. 39. Л. 56.

В некоторых местностях выплаты пенсионерам в отдельно взятом колхозе могли достигать 200 руб., что по тем временам было немалой суммой, но такие выплаты могли себе позволить только очень сильные колхозы, кассы же взаимопомощи не всегда обладали мощной материально-финансовой базой.

В 1930-х годах размеры пенсии немного увеличивались. В частности, в Сибири изменилась сумма пенсии для инвалидов войны, хотя разница в пенсионном обеспечении в городах и деревне стала еще более ощутимой. Кроме того, еще больше дифференцируются категории инвалидов Гражданской войны и Первой мировой (табл. 1).

Таблица 1. Средний размер пенсии инвалидов войны I группы в Сибири в 1934 году, руб.

Регион	Инвалиды Гражданской войны		Инвалиды Первой мировой войны	
	В сельской местности	В городах	В сельской местности	В городах
Западно-Сибирский край	21	35	15	25
Восточно-Сибирский край	24	35	15	25

Источник: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 53. Л. 6.

Размеры пенсий отличались из-за того, что ключевое значение имело наличие у инвалида собственного хозяйства, поэтому размеры пенсий в городах априори были значительно выше, чем в деревне. Более подробно сведения о размерах пенсии инвалидов войны в Сибири в 1935 году представлены в таблице 2.

Таблица 2. Средний размер пенсии инвалидов войны в Сибири в 1935 году, руб.

Регион	Инвалиды Гражданской войны						Инвалиды Первой мировой войны					
	В сельской местности			В городах			В сельской местности			В городах		
	I гр.	II гр.	III гр.	I гр.	II гр.	III гр.	I гр.	II гр.	III гр.	I гр.	II гр.	III гр.
Омская область	24	15	10	41	25	15	15	9	7	25	15	11
Красноярский край	24	15	9	41,1	25	15	15	9	7	25	15	11
Западно-Сибирский край	24	15	9	44,6	28,6	18,6	15	9	7	28,6	18,6	14,6
Восточно-Сибирский край	32,5	18	0	59,8	37,2	0	16,2	9	0	30,6	20,5	0

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 72. Л. 1.

Несмотря на сложности с финансовым обеспечением деревни, в рамках политики коллективизации впервые началось пенсионирование престарелых крестьян. Например, в Сибири в 1930-х годах пенсии получали менее 5 тыс. чел., размер пенсии составлял 30–35 руб. Подробная информация о численности престарелых крестьян, получавших пенсию (по состоянию на 1937 год), представлена в таблице 3.

Таблица 3. Численность престарелых крестьян, получавших пенсии в Сибири в 1937 году, чел.

Край/область	Престарелые крестьяне			Всего	В % к общему числу инвалидов-пенсионеров
	I гр.	II гр.	III гр.		
Алтайский	143	93	541	777	26,1
Красноярский	90	353	635	1 078	46,4
Иркутская	58	188	625	871	40,4
Новосибирская	112	300	1 056	1 468	33,9
Омская	89	108	376	573	33,0
Всего	492	1 042	3 233	4 767	35,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 146. Л. 1а, 2–3.

Пожилые сибиряки к концу 1930-х годов стали основными получателями пенсионного обеспечения (35,2% всех нетрудоспособных пенсионеров) — это было больше, чем численность более привилегированной группы инвалидов труда (34%).

В отличие от города, где пенсию получали инвалиды I–II групп, в деревне это были инвалиды III группы. Скорее всего это связано с тем, что к концу 1930-х годов государство перешло к практике выплаты пенсии с сохранением заработка от текущей деятельности, что позволило оставить достигших пенсионного возраста крестьян в трудовой сфере. Также повышенное внимание государства к престарелым крестьянам можно объяснить тем, что в этот период исчезает многопоколенная семья. Процессы коллективизации и раскулачивания во многом способствовали разрушению семейных связей и выделению из общей крестьянской массы оставленных на произвол судьбы стариков и инвалидов. Эти же процессы вполне могли послужить фактором, вызвавшим к жизни потребность в обеспечении пожилых людей из сельской местности гарантированным доходом со стороны государства.

Основные меры социальной поддержки инвалидов и стариков в сельской местности

Помимо пенсий значительную роль в деревне 1920-х годов играла социальная поддержка инвалидов и стариков в виде единовре-

менных пособий в денежной и натуральной форме, размер которой устанавливало общее собрание членов кассы взаимопомощи. Однако отчеты говорили о неудовлетворительном материальном снабжении престарелых: так, средний размер пособия в Сибири составлял 5–10 руб.[22]

Вначале временная материальная поддержка не имела никакой законодательной базы, будто ее вовсе не существовало, и помощь оказывалась бессистемно. Лишь 17 сентября 1928 года было утверждено Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по обеспечению восстановления хозяйств инвалидов войны, партизан, семей погибших на фронтах из числа деревенской бедноты и маломощного крестьянства»[23]. В соответствии с этим документом Наркомат земледелия, Всероссийский союз промысловой кооперации и НКСО должны были принять немедленные меры «к усилению вовлечения инвалидов войны из деревенской бедноты и маломощного крестьянства в общие коллективы, организуемые на селе… принять меры к организации из них самостоятельных коллективов… в системе кооперации инвалидов»[24].

Наркомат земледелия должен был производить первоочередной отвод земельных угодий из государственного фонда и осуществлять бесплатное землеустройство колхозам, организуемым инвалидами войны, а НКСО и ККОВы должны были оказать входившим в колхозы или артели деревенским инвалидам надлежащую материальную поддержку. В связи с этим крестьянам стали выдавать единовременные возвратные и безвозвратные пособия, носившие целевой характер — для «восстановления их хозяйств по преимуществу на началах коллективизации»[25]. Из-за отсутствия пенсионирования большей части крестьян с инвалидностью для многих это стало единственной возможностью поддерживать определенный уровень существования.

Расходы на эти пособия производились из ассигнований местного бюджета по смете органов социального обеспечения. Наибольшее распространение получили возвратные пособия, которые выдавались из бедняцкого фонда кредитования. Для сравнения: в Сибири в среднем на их выдачу тратилось около 100 000 руб., а на временные денежные выплаты — всего 25 тыс.[26] С укреплением колхозной системы и, как следствие, увеличением оплаты труда колхозников кассы взаимопомощи стали отпускать больше средств

22. Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. Р–270. Оп. 1. Д. 53; Ф. Р–1961. Оп. 1. Д. 5; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р–4347. Оп. 1. Д. 337, 427.
23. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 12б. Д. 1151. Л. 3.
24. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 12б. Д. 1151. Л. 3.
25. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 12б. Д. 1151. Л. 3.
26. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 12б. Д. 1151. Л. 13.

в пользу пожилых крестьян, но заменяя денежные выплаты продовольственной помощью.

Для материальных пособий, которые выплачивали инвалидам колхозные кассы взаимопомощи, была характерна определенная специфика. Сначала представители касс должны были установить, как колхозник стал инвалидом, а потом уже назначать выплату. Приоритет в получении пособия отдавался тем, кто перешел в разряд нетрудоспособных, работая в колхозе, либо размер их пособия при общих незначительных суммах выплат был немного выше. Порядок выплаты пособий был довольно туманным: пособия могли выдаваться лишь один раз, быть возвратными, не соответствовать потребностям нетрудоспособных — все это формально решало общее собрание (руководство) членов кассы.

В марте 1934 года член сельхозартели из Азово-Черноморского края 20-летний И. Е. Лагдовский писал, что во время весенней посевной кампании лишился правой руки, и экспертная комиссия признала его инвалидом II группы. Утрата трудоспособности во время работы в колхозе автоматически наделяла молодого человека правом на социальную помощь. Однако колхозное правление не только отказалось выдать ему продовольственную помощь, но даже и трудодни не насчитало. Инвалид обратился в районный отдел социального обеспечения, который обязал колхоз выдать ему пособие, но правление колхоза проигнорировало предписание. Тогда инвалид пошел с заявлением в политотдел МТС, и теперь отказать руководство колхоза не рискнуло, однако распоряжение приняло к исполнению формально. В законе отсутствовали четкие правила выдачи пособия, председатель колхоза пообещал начислить трудодни и выдавать продукты сначала с нового месяца, потом с нового года — и так в течение семи месяцев (Бондарев, Самсоненко, 2010: 190–191).

Определенное место в реализации государственной социальной политики нетрудоспособным лицам в сельской местности имела также *система льгот*. Так, 31 октября 1928 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении и дополнении Положения о едином сельскохозяйственном налоге», согласно которому от последнего освобождались все отнесенные к I–III группам инвалиды войны и труда и даже инвалиды, не подлежавшие социальному обеспечению и страхованию, которых обычно именовали «беспризорными» инвалидами или «инвалидами категории “прочих”»[27].

Проблемы протезирования нетрудоспособных крестьян

Еще одним важным направлением социальной помощи инвалидам и пожилым людям было бесплатное обеспечение протезными сред-

27. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 12б. Д. 3814. Л. 2, 8.

ствами. Здесь господствовал строгий иерархический порядок, при котором в первую очередь протезировались городские работающие инвалиды, затем инвалиды Гражданской войны, после них — инвалиды «старой армии», далее — инвалиды III группы и неработающие инвалиды. «Инвалиды крестьянского труда» в этой «очереди» были последними.

Бесплатная протезная помощь крестьянам с инвалидностью предоставлялась только по свидетельствам кресткомов, подтвержденным органами собеса, при следующих условиях: у инвалида должно было быть хозяйство (что говорило о сохранении у него работоспособности), и это хозяйство не должно было приносить инвалиду достаточного дохода. В противном случае деревенский инвалид должен был протезироваться за собственный счет[28].

С 1925 года Наркомат здравоохранения при участии органов социального обеспечения и социального страхования производил единовременный учет всех инвалидов, имеющих право на бесплатное государственное протезирование. Сельские инвалиды были включены в список тех, кто протезировался бесплатно на общих основаниях с городскими инвалидами, но только из числа инвалидов войны, состоявших на учете в кресткомах. Причем если такой инвалид не успевал вовремя обратиться за протезом, то лишался права на бесплатную помощь.

На протяжении первой половины 1920-х годов больше половины инвалидов, нуждавшихся в протезной помощи, имели неисправные протезы либо не имели их вовсе. Например, сибирские инвалиды-крестьяне, нуждающиеся в протезировании, были «на 100% не удовлетворены необходимыми изделиями», что негативно отражалось на их реабилитационных возможностях в деревне[29].

Специфика реализации политики занятости инвалидов и пожилых в деревне

Особое значение среди мер государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных граждан в исследуемый период имело вовлечение инвалидов и пожилых в трудовую деятельность. В соответствии с идеологическими представлениями социалистического государства о том, что его полноценными членами могли быть только пролетарские элементы, выделялись «настоящие» («красные») инвалиды, от которых советская власть требовала «утилизировать труд», то есть отдать последние силы сначала послевоенному восстановлению экономики, а затем начавшейся форсированной

28. Протезирование: брошюра карманного формата. Томск, 1925. С. 1.
29. Отчет II Сибирского областного совещания губернских работников учреждений и организаций социального обеспечения. Новониколаевск, 1924. С. 110.

индустриализации. Поэтому с самого начала деятельность органов собеса была нацелена на максимальное использование труда инвалидов. В первую очередь органы власти особое внимание обратили на трудоустройство инвалидов III группы с требованием «применять жесткие меры в отношении лиц, уклонявшихся от общественных работ» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 289). Крестьяне, вернувшиеся с войны, поначалу и в самом деле стремились вернуться к активной трудовой жизни. После нескольких лет аграрного простоя в деревне появилось много неиспользуемой земли, для обработки которой привлекали инвалидов, сохранивших трудовую силу. Поэтому волостные органы собеса старались помогать всем инвалидам, сохранившим трудоспособность. Например, в Минусинском уезде Енисейской губернии в годы НЭПа инвалидам бесплатно раздавали плуги для обработки земли, малообеспеченные лица получали мануфактуру, обувь, продовольственную помощь. Однако постепенно ресурсы истощались, а инфляция съедала и без того невысокие доходы от пособий, после чего практику бесконтрольной трудовой помощи пришлось прекратить[30].

Как и в городах, политика занятости нетрудоспособных в деревне проводилась по нескольким направлениям. Во-первых, инвалидов, у которых сохранились определенные профессиональные навыки, могли устраивать на привычные для них, но облегченные работы. Во-вторых, они могли пройти краткосрочные курсы по животноводству, кролиководству, пчеловодству, огородному делу. В принципе знакомые с этими видами деятельности в деревне крестьяне-инвалиды проходили своеобразное повышение квалификации и без труда находили себе новое занятие. В-третьих, можно было организовать обучение или переобучение новым знаниям и умениям, но этот вариант требовал времени и дополнительных капиталовложений, зато существенно расширял сферу использования инвалидов в аграрной сфере.

Важным средством профессиональной реабилитации советскими органами социального обеспечения была названа инвалидная кооперация с «использованием неполного труда в области сельского хозяйства», где наряду со здоровыми работниками могли трудиться инвалиды[31]. Было организовано использование труда инвалидов в кустарной промышленности и ремесленной деятельности — в деревнях стали создаваться «производительно-подсобные артели» в виде товариществ по закупке и сбыту, которые стали основой сельской кооперации инвалидов. Также предполагалось, что «инвалиды-хлеборобы», получив первоначальную материальную поддержку, объединятся в товарищества, которые и будут оказывать помощь сельским инвалидам в виде организации закупок сельскохозяйственного инвентаря и организации сбыта продукции. Перед сельскими

30. ГАКК. Ф. Р–270. Оп. 1. Д. 53. Л. 7–7 об.
31. ГАКК. Ф. Р–268. Оп 1. Д. 1. Л. 44–46 об.

органами социального обеспечения и ККОВами ставилась задача «приложить все усилия к тому, чтобы инвалид ничего не продавал и не покупал индивидуально, а действовал... через свой кооператив». По мнению советских руководителей, развитие подобных товариществ позволило бы инвалидам создать «мощный кооператив инвалидов... [для] организации трудовой помощи инвалидам»[32]. О том, насколько популярными были кооперативы инвалидов, можно судить по дневникам К. Измайлова из Бийского уезда Томской губернии, который регулярно упоминал, что покупает мясо в лавке инвалидов или ездит за мукой «на мельницу к инвалидам» в артель[33].

Впрочем, если в городах эта идея себя оправдала, то в сельской местности кооперация инвалидов влачила жалкое существование. Среди основных причин этого можно назвать отсутствие финансовой помощи, нехватку мастеров-наставников, не говоря уже о том, что у инвалидов не было ни инструментов, ни заказов, ни рынка сбыта[34].

Вступление в инвалидную артель предусматривало «капитализацию пенсии», когда инвалид должен был внести в качестве вступительного взноса сумму, равную полугодовой пенсии, благодаря чему артель приобретала стартовый капитал и могла начать свою деятельность. В городах с этим обычно не было проблем — органы социального обеспечения вносили за инвалида его будущую пенсию, у инвалидов же в деревнях возникали проблемы, поскольку инвалиды-крестьяне пенсию практически не получали, а состояли в лучшем случае на иждивении крестьянкомов, которые могли выдать лишь мизерное пособие[35]. Поэтому инвалиды-крестьяне, образуя артель без капитализации пенсии, сразу приступали к работе при наличии хотя бы каких-то средств, не обращая внимания на формальные требования. Они не думали о «правильности распределения труда и зарплаты», у них не было стремления создавать кассы взаимопомощи или запасный запитал, как того требовали циркуляры НКСО. Им нужно было кормиться самим и кормить свою семью. Поэтому и артели инвалидов в деревнях были примитивными, не отличавшиеся такой же производственной деятельностью, как в городах. Например, в 1924 году в с. Новообинцево Алтайской губернии 6 инвалидов организовали рыболовецкую «артель», просто используя собственные рыболовные снасти и арендуя за свой счет рыболовные участки[36].

32. К вопросу о кооперировании инвалидов в сельском хозяйстве // Известия НКСО 1922. № 7. С. 2.
33. Измайлов Константин Федорович. Дневник / URL: https://corpus.prozhito.org/note/319992; https:// corpus.prozhito.org/note/318288 (дата обращения: 26.09.2024)
34. ГАКК. Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 404. Л. 129 об.
35. ГАКК. Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 404. Л. 145.
36. Отчет II Сибирского областного совещания губернских работников учреждений и организаций социального обеспечения. Новониколаевск, 1924. С. 14–15.

На протяжении 1920-х годов сельские инвалиды оставались практически не охваченными трудовой деятельностью, но с ходом коллективизации ситуация существенно изменилась. Сельсоветы развернули работу по коллективизации нетрудоспособных граждан. Прежде всего проводились собрания, на которых инвалидам разъясняли, что в случае отказа вступить в колхоз они теряют право на получение пенсии. В самом деле, постановлением Наркомсобеса от 10 декабря 1929 года о формах и порядках осуществления социального обеспечения, в связи с проводимой сплошной коллективизацией право на пенсию сохранилось лишь за инвалидами I и II групп «в исключительных случаях», то есть когда они не могли быть трудоустроены вследствие полной беспомощности. По сути, у инвалида не осталось альтернатив, кроме как идти в артель или в колхоз. Многие выбирали первый вариант, поскольку работа в инвалидной артели давала реальный заработок. В регионах, где основную массу инвалидов составляли крестьяне, которые не порвали с землей и могли при надлежащей организации артельного дела в сельской местности самостоятельно о себе позаботиться, развитие инвалидной кооперации могло бы стать довольно успешным.

Однако в 1929–1930 годах, как и в случае с пенсионным обеспечением, была проведена «чистка» личного состава артелей. Так, в Омском округе проверку проходили 204 чел. из 11 сельских артелей, 43 чел. (21%) были исключены[37]. Основной причиной исключения называлась «связь с чуждым элементом», то есть сотрудничество с крестьянами из числа здоровых работников артели (главный принцип инвалидной артели). Помимо этого, примерно столько же было вычищено за принадлежность к «бывшим» (кулакам).

Интересы коллективизации и индустриализации требовали максимального вовлечения в трудовую деятельность всех, кто сохранил хоть какую-нибудь способность к труду. Поэтому самой желательной мерой социальной помощи инвалидам органы власти считали их трудоустройство в колхозах, где можно было использовать их остаточный труд с учетом характера инвалидности.

Отчеты ОГПУ о настроениях в деревне из самых разных точек республики того времени пестрят сообщениями о том, что в том или ином колхозе слабосильные пожилые люди были трудоустроены в качестве сторожей, хотя в силу своих физических кондиций не в полной мере могли исполнять обязанности по охране колхозной собственности: «...большинство старики, не имеющие элементарной необходимой подготовки, плохо оплачиваемые и пло-

37. ИАОО. Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 22. Л. 52, 54, 56.

хо снабжаемые»[38]. Порой доходило до курьезных случаев, когда сторожами становились незрячие или глухонемые инвалиды, которые неизвестно как должны были действовать, если «увидели» или «услышали» нарушителя. Естественно, инвалиды и старики со своими обязанностями не справлялись, и их порой приравнивали к «врагам народа»[39].

Из реально работающих практик можно отметить случаи, когда незрячих колхозников направляли в специальные мастерские по переработке сырья, где они занимались сушкой фруктов и ягод и изготовлением из них варенья (Бондарев, Самсоненко, 2010: 194–195). К концу 1930-х годов такие мастерские существовали на средства колхоза, а касса взаимопомощи была только инициатором их создания. Также пожилые люди могли быть заняты на подсобных работах: доставка на поля горючего, семенного материала, воды, продуктов. В Ростовской области 77-летний колхозник С. И. Бабенко «кастрировал поросят» (Там же: 267). Однако бывало и так, что нетрудоспособному отказывали в предоставлении работы (Там же).

В. А. Бондарев и Т. А. Самсоненко полагают, что «сами постаревшие крестьяне не очень-то стремились перестать работать и повиснуть обузой на шее своих родственников», поскольку «сказывалась психология земледельца, формировавшаяся под мощнейшим воздействием специфического крестьянского уклада, в котором труд на земле представлял собой не просто работу, но и образ жизни...» (Там же: 266). Соглашаясь с такой точкой зрения, стоит все же сказать, что для тех, кто действительно не мог работать, принудительное участие в трудовой деятельности было единственной возможностью выжить. В самом деле, когда пенсию не платят, трудодни не насчитывают, в кассе взаимопомощи нет средств для продовольственной помощи, поблизости нет дома престарелых или у колхоза нет финансов, чтобы поместить туда своего старика, последнему оставалось только идти работать — даже туда, где от него было мало толку.

Что касается трудоустройства в коллективных хозяйствах, то, например, в аграрной Сибири (см. табл. 4) доля трудоустроенных инвалидов-сибиряков в общей массе вовлеченных в деятельность колхозов и совхозов дала наибольшие показатели (12,5% всех получивших работу инвалидов), при этом запланированные на первую половину 1930-х годов меры по переводу инвалидов из артелей в промышленный сектор оказались практически не выполненными, но трудоустройство крестьян-инвалидов в колхозы было приоритетным.

38. «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 10. Ч. 1. 1932–1934 гг. М., 2017. С. 288.
39. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2012. С. 83.

Таблица 4. Численность трудоустроенных инвалидов в Сибири на 1934 год, чел.

Область трудоустройства	Западно-Сибирский край	Восточно-Сибирский край	Всего по Сибири
Совхозы	178	331	509
Колхозы	3 949	677	4 626
Всего в сельском хозяйстве	4 127	1 008	5 135
В % к общему числу трудоустроенных	54,5	56,7	55

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 53. Л. 10.

Если инвалида нельзя было трудоустроить «по специальности», то применялось трудовое переобучение с последующим устройством в сферу занятости, не связанную непосредственно с сельским хозяйством. В этом случае колхозы могли направлять инвалидов на курсы, организованные органами собеса, и вчерашние нетрудоспособные получали новые профессии, становясь счетоводами, бригадирами, санитарами, «избачами», работниками детских садов и т.п. Существовали даже «экзотические профили в обучении инвалидов, такие как цветовод или... баянист. В... Ростовской области [касса взаимопомощи] приобрела для ослепшего колхозника И. И. Дурнева баян и затратила 960 руб. на его обучение...» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 196–197).

Оригинальный подход к трудоустройству безруких инвалидов в деревне еще в начале 1920-х годов предложил А. Жемчужный на страницах ведомственного периодического издания «Известия Народного комиссариата социального обеспечения» (Жемчужный, 1922: 2). Главной проблемой автор статьи считал то, что большинство инвалидов, лишившихся рук, «уверены, что оставшиеся у них культи совершенно бесполезны». Он же пытался доказать, что инвалид, у которого ампутирована верхняя конечность, с помощью несложных приспособлений и приборов может выполнять все знакомые и доступные ему сельскохозяйственные работы. Для максимального использования оставшейся культи верхней конечности автор статьи предлагал инвалиду в первую очередь начать физические упражнения, чтобы сделать ее более подвижной и сильной. Следующим шагом должно было стать приспособление для культи специального рабочего протеза. Здесь важное значение имело «раннее применение временного протеза, который способен улучшить общее состояние культи и сохраняет максимальное количество мышечной силы и необходимый объем движений» (Там же). Подобный временный рабочий протез для ампутированной руки, со слов Жемчужного, следовало использовать в профессиональных школах инвалидов и трудовых сельскохозяйственных колониях, где инвалиды-«ампутанты» проходили профессиональную переподготовку.

В специально созданной НКСО в Калужской губернии сельскохозяйственной колонии для инвалидов действительно были созданы

условия для применения «искусственной руки» в сельском хозяйстве. Для вовлечения безруких инвалидов в сельскохозяйственные работы необходимо было в каждом отдельном случае беседами и живыми примерами убеждать их в том, что они могут обрабатывать землю, снабдить их рабочим временным протезом и обучить, как им пользоваться, создать условия для проведения опытно-показательных работ. Сельскохозяйственный протез оснащали специальным «захватывающим приспособлением», и вся конструкция «искусственной руки» была рассчитана на то, чтобы с ее помощью заменить потерянную кисть. Фактически это был не протез, а просто зажим для рукоятки земледельческого орудия или инструмента (плуга, косы, лопаты, грабель и т.п.), который ввинчивается в нижний конец протеза. Для большей подвижности между зажимом и протезом использовался шарнир различных конструкций, заменявший недостающий лучезапястный сустав. Жемчужный, сам принимавший участие в экспериментах по использованию протезов, полагал, что безрукий инвалид мог легко и быстро научиться владеть протезом и производить при помощи него все сельскохозяйственные работы.

Истинные мотивы советской власти и ее отдельных представителей, выступавших в качестве защитников нетрудоспособных граждан, определялись тем, что протезирование сельского инвалида имело смысл только в том случае, если протез мог вернуть его в поле. Подобная практика связывалась с заботой о самом инвалиде и интерпретировалась соответствующим образом: «Безрукий инвалид — тяжелый инвалид, и если мы его возвращаем к сельскому хозяйству, мы даем ему самую заслуженную и самую ценную награду», но в то же время демонстрировала прагматическую цель советской социальной политики в отношении нетрудоспособных в деревне: «...для государства сохраняем блага обработанных искусственными руками инвалидов тысяч десятин земли» (Там же).

Заключение

Трудно не согласиться с мнением, что помощь, оказываемая деревенским инвалидам, «была весьма далека от идеалов социального равенства и справедливости. Она зависела не столько от материальных возможностей власти, сколько от идеологической преданности режиму, ратного и трудового участия в креплении его хозяйственных и политических основ. Принимая во внимание все те трудности, с которыми пришлось столкнуться молодому советскому государству по строительству реального социализма, все же нельзя не видеть того очевидного факта, что люди для него существовали до тех пор, пока могли быть “полезными обществу”» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 297).

Государственная социальная политика в отношении нетрудоспособных лиц в сельской местности в 1920–1930-х годах оказа-

лась крайне неэффективной. Пенсионное обеспечение, протезирование, система льготного налогообложения, единовременная материальная и натуральная помощь — все эти меры были половинчатыми, не обеспечивавшими удовлетворения реальных потребностей инвалидов и стариков в деревне. Подлинной целью государственной социальной политики было стремление снять нетрудоспособных крестьян с попечения государства, предоставив им возможность самостоятельного заработка и самообеспечения. В результате в социальной политике Советского государства в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности возобладал подход, максимально близкий к тому, что наблюдался в XIX веке, когда пожилых и престарелых использовали на работах до последней возможности.

В то же время применение труда инвалидов в сельском хозяйстве позволяло обойти решение таких сложных проблем, как подбор производства, обучение и переобучение, поиск надлежащего оборудования, содержание помещений. Трудоустройство деревенских инвалидов давало некоторые преимущества с точки зрения их материального обеспечения, поскольку его результаты были во многом индивидуализированы и зависели только от самого человека. Однако те, кто был знаком с реальными проблемами деревни, понимали, что из-за нехватки средств, отсутствия в среде инвалидов достаточного количества квалифицированной рабочей силы и специальных знаний их трудоустройство было крайне затруднительным.

Библиография

Амирханова М. М. (2018). Социальное обеспечение населения Дагестана в 1930-е гг.: проблемы и пути их решения // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. С. 89–95.

Бондарев В. А., Самсоненко Т. А. (2010). Социальная помощь в колхозах 1930-х годов: на материалах Юга России. Новочеркасск.

Борисова Ю. А. (2022). Социальная политика Советского государства в отношении инвалидов в 1920–1930-е гг. (историографический аспект) // XXIII Петровские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург. С. 133–139.

Веге (1922). О строительстве учреждений социального обеспечения крестьянскими комитетами взаимопомощи // Известия Народного комиссариата социального обеспечения. 1922. № 39. С. 3.

Глазунова Т. В. (2021). К вопросу о положении инвалидов в начале 1920-х гг. (на примере города Омска) // Омские социально-гуманитарные чтения. С. 119–123.

Жемчужный А. (1922). Безрукие инвалиды в сельском хозяйстве // Известия Народного комиссариата социального обеспечения. 1922. № 11. С. 2.

Ковалев А. С. (2021). Основные направления социальной помощи «инвалидам крестьянского труда» в Сибири в 20–30-х гг. XX в. // Гришаевские чтения. Красноярск. С. 270–279.

Ковалев А. С. (2022). Социальное положение нетрудоспособного населения сельской местности в советском государстве в 1920–1930-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. № 3 (25). С. 321–340.

Колесникова А. Ю. (2015). Правовая политика Советского государства в отношении инвалидов в 30-е гг. XX в. // Вопросы экономики и права. № 86. С. 17–20.

Красильников С. А., Саломатова М. С., Ушакова С. Н. (2010). Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН.

Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. (2011). Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН.

Нагорнова А. Ю., Макарова Т. А. (2014). Исторический анализ проблемы инвалидности в дореволюционной России и СССР // Общество: философия, история, культура. № 1. С. 27–34.

Огнев А. В., Шарифулина Э. А. (2021). Интеграция инвалидов в советском государстве (18 ноября 1918 — 15 марта 1990) // Юридическая наука. № 3. С. 23–25.

Панин А. С. (2019). Социальная поддержка в социалистическом государстве: инвалиды в Челябинском округе и Челябинской области в 1920–1930-е годы // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. № 4. С. 62–67.

Салказанов З. Г., Кесаева Р. Э. (2016). Реализация государственного концепта социальной поддержки нуждающихся в Северной Осетии в 1920–1930-е гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. № 3. С. 71–77.

Самсоненко Т. А. (2010). Социальная помощь населению коллективизированной деревни в 1930-х гг.: нормативно-правовые основы // История и историки в контексте времени. № 7. С. 92–100.

Самсоненко Т. А. (2011). Социальное страхование и помощь нетрудоспособным в колхозной деревне Юга России 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5-1 (11). С. 179–185.

Семенова И. Ю. (2022). Нормативные основы по социальному обеспечению рабоче-крестьянских семей (1917–1936 годы) // Исторический поиск. Т. 3. № 2. С. 30–36.

Скорик А. П., Самсоненко Т. А. (2010). Дискуссионность вариантов социальной помощи сельскому населению СССР в начале 1930-х гг. // Лосевские чтения. Новочеркасск. С. 125–130.

State social policy towards the disabled and elderly in rural areas of the RSFSR in the 1920s-1930s: Ideas and everyday practices

Alexander S. Kovalev, DSc (History), Professor, Department of the History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Svobodny Prosp., 79, Krasnoyarsk, 660041. E-mail: alexkovaleff@yandex.ru

Abstract. The article considers the main principles of the Soviet social policy towards disabled peasants in the 1920s–1930s, when they were the least protected category of citizens. The disabled in cities had priority in receiving state social assistance, while “disabled peasants” were supported on a residual basis. The leading actor of social policy in rural areas was peasant mutual-aid committees (peasant committees) which worked from 1921 to 1930. These committees were primarily responsible for providing social support to disabled rural residents. On the one hand, they were to receive the same types of social assistance as urban residents: pension, one-time financial and in-kind assistance, prosthetics, and employment opportunities. On the other hand, disabled and elderly peasants faced class, social and age-based discrimination when trying to get what was due. In addition to practices of social assistance, in the 1920s–1930s, there were various projects aimed at improving the social situation of the disabled in rural areas. However, most of such ideas focused on the remaining work ca-

pacity of the disabled and elderly, including in collective farms. With the beginning of collectivization, peasant mutual-aid committees were replaced by mutual-aid funds, and the responsibility for supporting the disabled and elderly was given to the working population of collective farms. Due to the lack of sufficient financial resources in collective farms, the disabled and elderly were also assigned work tasks which often ignored their capabilities. The author makes a conclusion about low efficiency of the state social policy measures and low level of satisfaction of the real needs of the disabled and elderly in the village.

Key words: peasant mutual-aid committees, collective farms, peasants, disability, pension provision, prosthetics, employment

References

Amirkhanova M. (2018) Sotsialnoe obespechenie naseleniya Dagestana v 1930-e gg.: problemy i puti ih resheniya [Social security of population in Dagestan in the 1930s: Problems and ways to solve them]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 14, no 4, pp. 89–95.

Bondarev V., Samsonenko T. (2010) *Sotsialnaya pomoshch v kolkhozah 1930-h godov: na materialah Yuga Rossii* [Social Assistance in Collective Farms in the 1930s: Based on the Materials from the South of Russia], Novocherkassk.

Borisova Yu. (2022) Sotsialnaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii invalidov v 1920-e — 1930-e gg. (istoriograficheskiy aspekt) [Social policy of the Soviet state towards the disabled in the 1920s–1930s (a historiographical aspect)]. *XXIII Petrovskie chteniya: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Saint Petersburg, pp. 133–139.

Glazunova T. (2021) K voprosu o polozhenii invalidov v nachale 1920-h gg. (na primere goroda Omska) [On the situation of the disabled in the early 1920s (on the example of the city of Omsk)]. *Omskie sotsialno-gumanitarnye chteniya*, Omsk, pp. 119–123.

Kovalev A. (2021) Osnovnye napravleniya sotsialnoj pomoshchi "invalidam krestyanskogo Truda" v Sibiri v 20-30-h gg. XX v. [Main directions of social assistance to "the peasant disabled" in Siberia in the 1920s–1930s]. *Grishaevskie chteniya*, Krasnoyarsk, pp. 270–279.

Kovalev A. (2022) Sotsialnoe polozhenie netrudosposobnogo naseleniya selskoj mestnosti v sovetskom gosudarstve v 1920-1930-e gg. [Social situation of the disabled in rural areas of the Soviet state in the 1920s–1930s]. *Social-Economic and Humanitarian Journal*, no 3, pp. 321–340.

Kolesnikova A. (2015) Pravovaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii invalidov v 30-e gg. XX v. [Legal policy of the Soviet state towards the disabled in the 1930s]. *Issues of Economics and Law*, no 86, pp. 17–20.

Krasilnikov S., Salomatova M., Ushakova S. (2010) *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semiya na spetsposelenii v Zapadnoj Sibiri v 1930-h — nachale 1950-h gg.* [Roots or Chips. Peasant Family in the Special Settlement in Western Siberia in the 1930s — Early 1950s], Moscow: ROSSPEN.

Krinko E., Tazhidinova I., Khlynina T. (2011) *Povsednevny mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn v usloviyah sotsialnyh transfotmatsiy* [Everyday World of the Soviet Man in the 1920s–1940s: Life under Social Transformations], Rostov-on-Don: SSC RAS.

Nagornova A., Makarova T. (2014) Istorichesky analiz problemy invalidnosti v dorevolyutsionnoj Rossii i SSSR [Historical analysis of disability in pre-revolutionary Russia and the USSR]. *Society: Philosophy, History, Culture*, no 1, pp. 27–34.

Ognev A., Sharifulina E. (2021) Integraraiya invalidov v sovetskom gosudarstve (18 noyabrya 1918 — 5 marta 1990) [Integration of the disabled in the Soviet state (November 18, 1918 — March 15, 1990)]. *Legal Science*, no 3, pp. 23–25.

Panin A. (2019) Sotsialnaya podderzhka v sotsialisticheskom gosudarstve: invalidy v Chelyabinskom okruge i Chelyabinskoj oblasti v 1920-e — 1930-e gody [Social support in the socialist state: The disabled in the Chelyabinsk district and the Chelyabinsk Region in the 1920s–1930s]. *History. Historians. Sources*, no 4, pp. 62–67.

Salkazanov Z., Kesaeva R. (2016) Realizatsiya gosudarstvennogo kontsepta sotsialnoj podderzhki nuzhdayushchihsya v Severnoj Osetii v 1920–1930-e gg. [Implementation of the state concept of social support for those in need in North Ossetia in the 1920s–1930s]. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, no 3, pp. 71–77.

Samsonenko T. (2010) Sotsialnaya pomoshch naseleniyu kollektivizirovannoj derevni v 1930-h gg.: normativno-pravovye osnovy [Social assistance to people of the collectivized village in the 1930s: A regulatory-legal framework]. *History and History in the Context of Time*, no 7, pp. 92–100.

Samsonenko T. (2011) Sotsialnoe strakhovanie i pomoshch netrudosposobnym v kolkhoznoj derevne Yuga Rossii 1930-h gg. [Social insurance for the disabled in the collective-farm village in the South of Russia in the 1930s]. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Critique. Issues of Theory and Practice*, no 5–1, pp. 179–185.

Semenova I. (2022) Normativnye osnovy po sotsialnomu obespecheniyu raboche-krestyanskih semej (1917–1936 gody) [Regulatory framework for social security of workers' and peasants' families (1917–1936)]. *Historical Search*, vol. 3, no 2, pp. 30–36.

Skorik A., Samsonenko T. (2010) Diskussionnost variantov sotsialnoj pomoshchi selskomu naseleniyu SSSR v nachale 1930-h gg. [Discussed options for social assistance to the rural population in the USSR in the early 1930s]. *Losevskie chteniya*, Novocherkassk, pp. 125–130.

Vege (1922) O stroitelstve uchrezhdenij sotsialnogo obespecheniya krestyanskimi komitetami vzaimopomoshchi [On the construction of social security institutions by peasant mutual-aid committees]. *Izvestiya Narodnogo Komissariata Sotsialnogo Obespecheniya*, no 39, p. 3.

Zhemchuzhny A. (1922). Bezrukie invalidy v selskom khozyajstve [The armless disabled in agriculture]. *Izvestiya Narodnogo Komissariata Sotsialnogo Obespecheniya*, no 11, p. 2.